

**АНТРОПОНИМИЯ КАРЕЛИИ
КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ СБОРА
И НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ***

В 2020 году Институту языка, литературы и истории Карельского научно-го центра РАН исполнилось 90 лет. Одно из направлений его деятельности — ономастика. Пятьдесят лет назад в секторе языкознания была создана Научная топонимическая картотека Карелии и сопредельных областей (НТК), и уже полвека сотрудники пополняют эту картотеку. В настоящее время планомерно осуществляется формирование исследовательской базы по карелоязычной антропонимии, систематический сбор которой в Карелии начался относительно недавно — на рубеже 1990—2000-х годов. Однако еще до этого прибалтийско-финская и русская антропонимия попадала в поле зрения сотрудников института. Первым в середине 1960-х годов собирать антропонимический материал стал аспирант В. Т. Лескинен, который записывал у жителей Республики народную топонимию на карельском языке. В ходе топонимических изысканий исследователь рано или поздно сталкивается с антропонимией, поскольку исторически сложилось, что в топонимии Карелии и особенно в ойконимии фиксируется много отантропонимных названий. Таким образом, при сборе и изучении топонимического материала необходимо прояснять его содержание, опрашивая местное население в том числе на предмет функционирования местной антропонимической системы. Поскольку В. Лескинен был заинтересован в изучении саамского топонимического наследия, собранный им антропонимический материал представлен главным образом данными из северной Карелии. Он свою работу не закончил. Однако в его материалах зафиксировано около сотни карельских форм русских христианских имен конца XIX — первой половины XX ве-

ка на территории бывших Олангской и Кестеньгской волостей.

Следующий этап связан с приходом в институт в 1970 году Н. Н. Мамонтовой. Начался систематический сбор карелоязычной топонимии, прежде всего в ареале карелов-ливвиков на юге Карелии. Собранный Н. Н. Мамонтовой материал лег в основу Научной топонимической картотеки Карелии, в которой отразилась и антропонимия на карельском языке — личные имена, прозвища и родовые фамилии. Не обошла исследователь важную для прибалтийско-финской ономастики вопроса и в научных работах, посвященных образованию топонимов от антропонимов — как от народных форм христианских имен, так и от родовых прозвищ. Переход на должность ученого секретаря института прервал работу Н. Н. Мамонтовой по этой тематике.

В конце 1970-х годов изучением вепсской топонимии и антропонимии Карелии и сопредельных территорий занялась И. И. Муллонен. В исследованиях и докладах она часто затрагивала тему функционирования вепсских нехристианских и христианских имен, а также прозвищ и фамилий в топонимии. Были выявлены истоки многих вепсских исторических ойконимов, базирующихся на антропонимах. Экспедиции И. И. Муллонен проводились на русскоязычных и карелоязычных территориях, записывался и карелоязычный антропонимический материал; он лег в основу некоторых выводов о бытовании карелоязычных антропонимов на ныне обрусевших территориях, в частности, в Заонежье и Прионежье.

Сбором и изучением русскоязычной антропонимии Карелии в институте не занимались. Однако народные формы русских православных и нехристианских имен фиксировались в ходе экспедиций на побережье Белого моря, в Прибеломорье, Заонежье,

* Публикация подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН.

Прионежье и Пудожье. Обобщающих трудов по народной антропонимии русскоязычных территорий Карелии до сих пор нет, хотя отдельные вопросы освещены в работах И. И. Муллонен и Е. В. Захаровой.

Новый этап сбора карелоязычной антропонимии начался в конце 1990-х годов, при этом интерес сместился на изучение собственно-карельской топонимии и антропонимии северных регионов Карелии. И. И. Муллонен, О. Л. Карлова и Д. В. Кузьмин провели более 70 выездов по сбору топонимии и антропонимии. Записывались названия домов, карелоязычные формы христианских имен, неофициальные и официальные фамилии, а также прозвища, включая коллективные. Со временем работа распространилась и на карелоязычные территории Ленинградской и Тверской областей, где российскими учеными такие изыскания не проводились. Итогом экспедиций стал ряд исследований, основной целью которых было описание функционирования карелоязычной антропонимической системы. Удалось, в частности, начать реконструкцию средневекового именника карелов, в том числе женского, в сравнении с системой подобных имен на других прибалтийско-финских территориях. Разработка вопроса дала толчок к сбору карелоязычных кличек животных (в частности, коров и лошадей), в которых фиксируются общие для двух ономастических классов основы. Это вывело реконструкцию средневекового карельского именника на новый уровень и способствовало активизации сбора кличек домашних животных, которые в 1970–1990-х годах фиксировались только спорадически.

На новый уровень в настоящее время вышло изучение былого бытования у карельского населения русских нехристианских имен, в частности, бытового характера. Внимание к карелоязычной антропонимии способствовало выявлению подобных имен в основе неофициальных и официальных фамилий карелов, а также в топонимии. Можно констатировать, что с принятием христианства карелы восприня-

ли не только христианский именослов, но и бытовые русские нехристианские имена, которые не широко, но все же встречаются на территории Карелии, включая прародину карельского этноса в Приладжье.

Сбор прозвищ навел исследователей на интересную еще не разработанную тему — бранная или неприличная лексика, часть которой напрямую связана с фразеологией, ономастологией и антропонимией через прозвища. В основе последних фиксируется немало обзывает грубого характера, указывающих на отрицательные характеристики их носителей. Среди прозвищ немало указаний на представителей фауны, при этом многие из них фиксируются и в составе официальных и неофициальных фамилий карелов. Оказалось, что фамильные прозвания с пейоративной коннотацией составляют в карелоязычной антропонимии более многочисленную группу, чем фамилии с положительно-оценочным значением. Таким образом, выявление слов и словосочетаний, в частности, грубых обзывает, позволяет установить дополнительные мотивы появления карелоязычных родовых прозвищ и фамилий на их основе (*munahaukka* 'сексуально озабоченный' → фамилия *Haukka*).

Реконструкцией некалендарного именослова Карелии, прежде всего русских бытовых имен, на материале исторических источников занимается И. А. Кюршунова. В своих работах она уделяет внимание мотивационной базе исследуемых русских некалендарных имен, а также их структурным и семантическим особенностям.

Попытаемся на примерах осветить некоторые моменты, что стало возможным благодаря экспедициям и исследованиям последних лет.

В антропонимии еще сохраняются многочисленные, но часто уже ушедшие из активного употребления народные формы православных имен, а также следы прежнего нехристианского карельского антропонимикона. Все они «живут» прежде всего в памяти людей старшего поколения, которые застали карельскую деревню в

ее аутентичном виде и успели зафиксировать имена и прозвища родственников и односельчан. В экспедициях приходилось слышать от рожденных после войны информаторов: откуда вы вообще такие имена берете? И это не говоря о карелоязычных формах официальных имен, каждое из которых в карельской среде имело не по одному варианту. Так, у имени *Василий* на территории карельского этноса их фиксируется более 60 (ср. *Vačila*, *Vačukka*, *Vak(k)e*, *Vakuri*, *Vaski*, *Vasikka*, *Vašo*, *Vuačči*, *Vuašši*, *Väslä* и др.), а у женского имени *Мария* их 70 (ср. *Maija*, *Maču*, *Maka*, *Mañni*, *Mañukki*, *Maraša*, *Marda*, *Marikko*, *Maru*, *Muarie*, *Muuročka* и др.). Таким образом, только люди преклонного возраста могут пролить свет на интересующие нас вопросы. Без этого можно было бы только предполагать, что скрывается за такими формами, как *Hima* — Ефимия, *Hotka* — Фадей, *Hrotu* — Харитон, *Jefinä* — Ефим, *Neño* — Ненила, *Nikku* — Никифор, *Palli* — Павел, *Patikko* — Павел, *Sańkuri* — Александр, *Ula* — Ульян и др. Осведомленность исследователя в подобных вопросах позволяет представить правильную этимологию названий населенных пунктов на территории Карелии: *Aketti* 'Авксентий' → дер. *Aketti* (рус. Акетти), *Anšoi* 'Анисим' → дер. *Anšoil(u)* (рус. Аншивицы), *Gliimoi* 'Клементий' → дер. *Gliimoilu* (рус. Глимойла), *Hoški* 'Федор' → дер. *Hoškoi-lu* (рус. Хошкойла), *Jupla* 'Евпл' → дер. *Juplu* (Юплу), *Lumbi*, *Lumppa* 'Лупп; Олимпий' → дер. *Lumbilu* (рус. Лумбила), *Nadžoi*¹ 'Назар' → дер. *Nadžoinvongu* (рус. Маяисельга), *Ol'ki* 'Алексей' → *Ol'ki* (рус. Сигозеро), *Silke* 'Силуян' → *Silkeläinkylä* (рус. Силкела) и др.

Функционирование и реконструкцию деревенских фамилий покажем на примере семей *Суворовых*² в деревнях Зивчала и Яккойла (Олонецкая Карелия). К сожалению, народный карелоязычный вариант в ливвиковском ареале зафиксировать не удалось. У твер-

ских карел в селе Никольское деревенским вариантом выступает *Sumurka*. В основе может лежать рус. *смурый* 'неласковый, мрачный, неприветливый', видимо, синоним закрепившегося в фамилии *Суворов* слова *суворый* 'суровый'. Обратим также внимание на фамилию *Šmura* — *Шмури*н, бытовавшую у кареллюдигов в Пряже и в финской Приграничной Карелии, в основе которой может быть рассматриваемое русское заимствование.

Функционирование у карелов общего для людей и домашних животных именника натолкнуло на мысль поиска антропонима *Čalkki*, закрепившегося в названии деревни *Čalkinkylä* (Чалкосельга). *Čalkki* использовалось как кличка гнедой лошади, в окрасе которой заметна примесь светлых волос (ср. рус. *чалый*). Оказалось, что лексема бытовала раньше и в антропонимии: кар. *čalkki* 'человек с седеющими волосами или проседью'. Таким образом, характерная особенность внешности легла сначала в основу прозвища, а позднее родовой и официальной фамилии *Čalkki* — *Чалкин* в деревне Яловуара (северное Приладожье). Данный факт позволяет считать, что в названии *Čalkinkylä* также закрепилось прозвище ее основателя. Правомочность реконструкции подтверждает, видимо, аналогичное по семантике прозвище *Чалой/Чалый* у русского населения в XVI—XVII вв.: *Иванъ Чалой*, *Тимошъ Чалый* (Тупиков 1903 : 421).

Пример показывает, что среди карельских антропонимов есть и прозвища русского происхождения и бытовые имена типа прозвищ. В качестве личного мужского имени на прародине карелов в Приладожье русские нехристианские имена обнаруживаются еще в первой половине XVII века: *Рудак Болдоринен* (1618), *Перво Мигриляйнен* (< *Первой*) (1629) (ИК 1987), *Iivana Putilainen* (< *Путила*) (1660) и торговец-карел из российской Карелии *Huotari Drusinaisen* (< *Дружина*) (1698) (Kokkonen 2002 : 126, 272). Фиксация фамилии *Drusinaisen* дает основание полагать, что на территории современной Карелии подобные русские имена функциониро-

¹ Ср. *Nadžoi* (вар. *Nadžu*) — это также карельский вариант мужского имени *Насон*.

² Ср. топоним *Suvozengora* в Покровском ← **suvo(ne)* ← ? **сувор(ый)*.

вали не только в письменных источниках, но и в народной среде (кар. **Drušina*), тому есть подтверждения в карельской антропонимии и топонимии: в 1707 году в Сельгах проживал крестьянин Нестер *Гуляев* (← рус. *Гуляй*) (КП 1707 : 531). Можно предположить, что его отец *Гуляй* носил имя *Gull'u*, на что, возможно, указывает название поля в Сельгах — *Gull'unpeldo* (НТК). Обращает на себя внимание записанная финским исследователем Л. Пякконеном в финнизированной форме деревенская фамилия *Kulanen* (Pääkkönen 1898 : 243), которую носил в конце XIX века род Гуляевых из деревни Пелкула Паданской округи. Ее реконструируемая карело-язычная форма была бы *Kulane* или, скорее, *Gulane* ← **Gul'a/*Kul'a* (*Гуляй*). Видимо, к этому нехристианскому имени восходит и деревенская фамилия *Gulaššu* (офиц. *Гуляшов*) на юге Карелии в селе Тукса (рус. *Гуляй* → **Гуляш(a)* → кар. **Gulaššu*). На возможность реконструкции, в частности, указывают зафиксированные в карельском антропонимиконе народные варианты христианских имен с суффиксом *ssu/ššu*: *Ološšu* — *Алексей*, *Petkossu* — *Петр*, *Vaiukossu* — *Иван*, а также *Kolassu* — **Николай*. Ср. кар. *Herošši* — *Герасим*, *Kibrušši* — *Киприан*, *Mitrušši* — *Митрофан*, *Onašši* — *Ананий*. Итак, экспедиционный материал вкупе с письменными источниками позволяет восстанавливать и вышедшие из употребления, усвоенные из русского нехристианские имена.

На основе карелоязычных антропонимов возможны реконструкции некоторых бытовых форм русского имени, употреблявшихся на сопредельных с Карелией русскоязычных территориях; он стал прообразом для некоторых карельских народных имен (рус. *Гуляша*, *Коляша*, *Героша*, *Кипруша* и т. д.). Эта тема еще не разработана, а большая часть бытовых форм христианского именослова русских Карелии уже ушла в небытие. Всестороннее исследование карельской антропонимии позволяет осветить и некоторые стороны этой интересной темы.

Хорошим «подспорьем» для интерпретации карельских неофициальных

деревенских фамилий может служить бранная лексика, в том числе обзывки.³ В силу ненормативности и специфичности подобная лексика долгое время редко попадала в поле зрения исследователей. Например, откровенно неприличные слова и выражения не фиксируются фразеологическим словарем карельского языка. Интересны здесь наименования лиц с отрицательными характеристиками, в частности, зоонимические прозвища, которыми нередко характеризовались предки носителей той или иной фамилии, ср.:

čilinkarva 'неуживчивый (букв. ежовая шкура)' > *Čiili* — *Ежилов* (Карельский Городок), **Čiili* — *Ежов* (Торасозеро);

diga, digo 'человек с отвисшим задом (букв. домашний гусь)' > *Diguška* — *Дигушкин* (Погорелец, Тверская область), ? **Digu* — *Дигуев* (Тукса);

joršši 'ершистый (букв. ерш)' > *Joršši* — *Ершов* (Терккула), *Joršši* — *Тарасов* (Заячья Сельга);

kurgi 'тощий человек; с длинными тонкими ногами (букв. журавль)' > *Kurgi* — *Журавлев* (Янгозеро), *Kurgi* — *Дмитриев* (Пебозеро);

kondie 'самодур (о полном мужчине с обильной растительностью на теле; букв. медведь)' > *Kondie* — *Андронов* (Шуезеро); *Kondijaine* — *Медведев* (Спасская Губа);

kägi 'жуликоватый; хитроумный' > *Käkin* — *Минин* (Логоварака), *Kägöi* (Мийнала, Фин.);

lehmä 'наивный; простак; о полной женщине или женщине с большой грудью (букв. корова)' > *Lehmäne* — *Коровин* (Челкиозеро);

löttö 'пакостливый человек (букв. лягушка)' > *Löttöne* — *Мартиускайнен* (Суоярви), *Löttö* — *Мокеев* (Виллойтула), деревня *Löttöne* (Вуоттониemi, Финл.);

mol'u / maimu 'коротышка; человек маленького роста (букв. рыбешка)' > *Мо-*

⁴ Ср. кар. *Höpötti* = *Hölmö Isakanpoika* (1618, Импилахти) (*höpötti* 'чудак; придурковатый'; *hölmö* 'недоумок; недотепа' → букв. Чудак (Недотепа) сын Исаака), *Hodari Höblänpoika* (1618, Контиолахти) (*höblä* 'разиня; простак' → букв. Федор сын Простака) (Nissilä 1975 : 145).

lu — Ершов (Карельский Городок); *mai-mi* 'малек; рыбешка' > *Maimi* — Мальков (Текаччула), *Maimane* (Пирдойла); *počči* / *siġa* 'грязнуля (букв. свинья)' > *Počči* — Родионов (Ваччойла); название деревни *Sianvuara* (Свиная Гора) < кар. *siġa* 'свинья; свин (о человеке)';

rebo 'лизоблюд; хитрец (букв. лиса)' > *Rebo* — Ребоев (Кончезеро), *Reboi* — Лисицин (Спибидонनावолок);

sokola 'кичащий или зазнающий-ся человек; громкоголосый' > дом *Sokolankodi* (Янгозеро);

važa 'слабый, немощный (букв. теленок)', *haižut kuin važa* букв. 'пахнешь, как теленок (о плохопахнущем человеке)' > род *Vaza* (Мойссиенвуара, Финл.);

mado(zmija) 'нехороший, противный человек': *Zmejamado-Vaia* (Романов) (Данилково, Тверская область).

Некоторые карельские деревенские фамилии могут быть результатом эллиптического развития сложных обысков: официальная фамилия *Карвариндин* (кар. *karvarinta* 'мужчина с волосатой грудью') — неофициальная фамилия *Karvani*. Подобная ситуация наблюдалась и в финской Приграничной Карелии: неофициальная кар. *Nahkuččiikoi* 'летучая мышь' и официальная фин. *Nahkanen* (Салми, Финл.), кар. *Karhapiä* букв.

'с растрепанными волосами' (Хойлола, Финл.). Эллиптируясь, зафиксированные сложные лексемы могли закрепиться в составе неофициальных и официальных фамилий, а также деревенских прозвищ: *čii-linkarva* 'неуживчивый' (→ род *Čiili*), *huttupada* 'треплю; любитель поболтать' (→ *Huttuni*), *kehnonkulu* 'негодяй' (→ *Kehnone*), *lehtirebo* 'хитрец' (→ *Rebo*), *maholehmiä* — о неспособной родить женщине (→ *Maho*), *märgävaža* 'увален' (→ *Važa*), *počšinšilmä* 'человек с дурным глазом' (→ *Počči*), *tuhmakettu* 'несуразный, неказистый человек' (→ *Kettuni*).

Многие вопросы карелоязычной антропонимии ждут своего исследователя. Разработка их зависит от сбора антропонимического материала. Немаловажно и выяснение мотивов карельских имен, фамилий и прозвищ. Информация такого рода имеет безусловную культурно-историческую ценность.

Address

Denis Kuźmin
Institute of Linguistics,
Literature and History
of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
E-mail: kusmiccu@hotmail.com

Сокращения

ИК 1987 — История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Т. 1, Петрозаводск—Июенсуу 1987; **КП 1707** — 707-го году. Книга переписная Олонецкого уезда переписи Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильевича Априлева за их руками. — Российский го-

сударственный архив древних актов (Москва). Ф. 1209. оп. 1. д. 8579, с 531—548; **НТК** — Научная топонимическая картотека Карелии и сопредельных областей (Институту языка, литературы и истории (Петрозаводск)).

ЛИТЕРАТУРА

Т у п и к о в Н. М. 1903, Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ, С-Петербургъ.
К о к к о н е n, J. 2002, Rajaseutu liik-keessä. Kainuun ja Pielisen Karjalan asukkaiden kontaktit Venäjän Karjalaan kreivin ajasta sarkasotaan (1650—1712), Helsinki (Bibliotheca Historica 79).

N i s s i l ä, V. 1975, Suomen Karjalan nimistö, Joensuu.

P ä ä k k ö n e n, L. W. 1898, Kesämatkoja Venäjän Karjalassa sekä hajanaisia kuvauksia Karjalan kansan nykyisyydestä ja entisyydestä. — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja 18, Helsinki.

ДЕНИС КУЗЬМИН (Петрозаводск)